

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 336–340

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 336–340

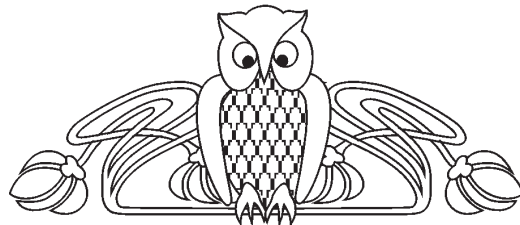
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-336-340>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929Касмынин

«...Помнить до берёзки». О природе метафоры в поэзии Геннадия Касмынина

И. В. Пырков

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Пырков Иван Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, allekta@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-3824>

Аннотация. В статье, посвящённой поэтическому наследию Г. Г. Касмынина, делается попытка определить художественное и философско-мировоззренческое предназначение метафоры в творческом методе поэта, актуализируется свойственная его поэзии метафорическая картина мира, противостоящая времени распада, трагическому мироощущению исторического рубежа, когда талант автора достиг наивысшего подъёма.

Ключевые слова: метафора, Касмынин, поэзия, гражданская лирика, внутренняя динамика, интерпретация, медленное чтение, мирозидание

Для цитирования: Пырков И. В. «...Помнить до берёзки». О природе метафоры в поэзии Геннадия Касмынина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 336–340. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-336-340>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

‘Remember till every birch’. Metaphor in the poetry of Gennady Kasmynin

I. V. Pyrkov

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Ivan V. Pyrkov, allekta@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3480-3824>

Abstract. In an article dedicated to the poetic heritage of G. G. Kasmynin, an attempt is made to determine the artistic and philosophical paradigm of metaphor in the poet’s creative method, the metaphorical picture of the world of his poetry is actualized, opposing the time of decay, the tragic concept of the historical frontire, when the author’s talent reached its peak.

Keywords: metaphor, Kasmynin, poetry, civic lyrics, inner dynamics, interpretation, slow reading, world creation

For citation: Pyrkov I. V. ‘Remember till every birch’. Metaphor in the poetry of Gennady Kasmynin. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 336–340 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-336-340>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Стихи выдающегося русского поэта Геннадия Григорьевича Касмынина (1948–1997), имеющие широкий резонанс в литературной критике и эссеистике¹, никогда ещё не становились предметом специального литературоведческого анализа. При этом языковая и образно-семантическая уникальность касмынинской поэзии предрасполагает к постановке целого ряда актуальных вопросов, касающихся создания и бытования образного строя стиха, переосмысления его жанровой сущности, расширения тематического интерпретационного поля. Мы сосредоточим наше внимание прежде

всего на метафорическом строе стихов Геннадия Касмынина, что объясняется не только ключевой ролью метафорических переносов в художественном методе поэта, спецификой «творческой лаборатории» автора, но и его особым метафорическим мышлением.

«Объективно существует два способа создания ментальной проекции мира: дискурсивно-логический и метафорический. Логическая картина мира представляет собой совокупность умозаключений, понятий, законов, полученных дедуктивным путем, т. е. постепенным перехо-

дом от частного эмпирического свойства к общему закону (с использованием всех имеющихся понятий) <...> Метафорическая картина предполагает результат фокусировки признаков. Это свойство позволяет человеку мгновенно перерабатывать и трансформировать огромный массив знаний», – пишет Н. В. Горянинова в статье «К опыту исследования поэтической метафоры»².

Действительно, метафорическая картина мира отличается исключительной образно-смысловой насыщенностью, что значимо для поэтического дискурса, в котором парадигматические отношения «автор – текст» и «читатель – текст» выстраиваются, в первую очередь, вокруг смыслообразующих метафорических переносов. Являясь важнейшей координатой поэтического континуума, создавая пространственно-временные модели, презентуя эмоционально-смысловое ядро стихотворного текста, метафора, по меткому замечанию В. Б. Шкловского, «выводит предмет из автоматизма восприятия»³.

Показательны в свете вышесказанного касмынинские строки: «Столетие всеобщего испуга. // Заштопанные наскоро поля. // Достаточно прикосновенья плуга – // Теряет равновесие земля»⁴.

«Заштопанные... поля» – метафора фокусирует на себе внимание при медленном чтении (именно такой метод наиболее эффективен, как нам представляется, при исследовании касмынинской поэзии), вмещает в себя целую картину, причём не статичную, а динамично меняющуюся. Поля заштопаны «наскоро», что говорит о необустроенности, непостоянстве окружающей жизни. Наречие «наскоро» несёт значительную семантическую нагрузку, определяет образную парадигму стихотворения в целом, становится частью диалогического звена, связующего поэта и читателя. «Наскоро» – значит, не хватило времени, стремления и умения ухаживать за полем прилежно. Посредством метафоры поэт выводит разговор на уровень социально-философских обобщений: что-то исконное ушло из культуры, растворилось в каждодневных делах и заботах. Строка начинает обретать тревожное звучание, поскольку неизбежным итогом вынужденной торопливости – поспешности жизни – становится потерянное равновесие. И человеком, и обществом. Отношение автора к потере бытийного равновесия очевидно, авторская модальность выражается через метафору, переводящую отношение «автор – текст», «читатель – текст» в диалоговую форму: автор – читатель.

Следуя традициям русского классического стиха (С. Есенин, Ф. Тютчев, Н. Рубцов), Г. Касмынин трансформирует поэтические каноны в соответствии с актуальной для своего времени проблемно-тематической парадигмой.

И я с тобою слышу этот вой
И тонущие, стонущие звуки
Над рельсовой двойною тетивой,
Над встречей нашей в нежности разлуки (212).

Выступая смысловой доминантой четверостишия, метафора (рельсы натягиваются, подобно тетиве лука) инвертирует пространственно-временную модель, сопутствующую образу встречи-разлуки. Эмоциональное «силовое поле» традиционного поэтом образа, создаётся метафорой – натяжением «двойной тетивы». Ритмико-мелодический рисунок данных строк также определяется их метафорическим наполнением. Внутренние звуковые переключки и рифмы (тобою – вой; тонущие – стонущие) интенсифицируют эмоционально-экспрессивную окрашенность метафоры, придают ей динамику. В итоге автор не просто преодолевает «автоматизм», о котором писал В. Шкловский, а добивается абсолютной новизны восприятия, что ценно для поэтического дискурса.

Г. Касмынин тяготеет к образному выражению мыслей и чувств, не манифестируя напрямую ту или иную поэтическую идею, а ретранслируя её опосредованно, через метафорический строй своих произведений. Метафора выступает универсальным (и уникальным) «строительным материалом» касмынинского художественного мира.

Чтобы выяснить, в чём именно состоит уникальность касмынинской метафоры, вновь обратимся к первоисточнику.

И рядом, в омуте глубоком,
Под боком у сырых коряг
Вздыхал чуть слышно старый окунь,
Как будто списанный моряк.
И наш овраг, где плакал тихий
Пересыхающий ручей,
Заполнили сухие крики
Ворон, и галок, и грачей.
Сухие крики, словно листья,
Отвесно падали к воде.
И доносился дальний выстрел,
И пахло осенью везде (93–94).

Эти строки высоко ценил Н. Старшинов, он писал: «Стихи мне пришли на память не случайно – поэт сумел в них очень точно передать <...> осенний щемящий пейзаж <...>. Рядом с грустью в этих стихах была и добрая улыбка, вызванная “списанным моряком – старым окунем”, действительно полосатым, как тельняшка»⁵.

Если исключить яркий метафорический образ из стихотворного текста, стихотворение потускнеет, «сожмётся», исчезнет его атмосфера, сузится семантическое поле. Очевидно, что образно-смысловая стройность стихотворения, органичность его лексико-семантической структуры обеспечивается предельно точным метафорическим переносом. За счёт метафоры гармонизируется и звуковой уровень поэтического текста. Перекликающиеся аккомодации («глубоком... боком... окунь») создают звуковой образ глубокого омута, выражают идею трагической замкнутости жизненного круга.

В поэтике Г. Касмынина метафора нередко играет локомоторную роль, определяя вектор авторской мысли. «Тебя называли хорошей // И ровной, словно шоссе. // Была ты дорогой, проросшей // В пшенице, во ржи и овсе. // Была ты горячей от солнца, // Спасала от грусти и слёз. // Крутил ветерок веретёнца // За следом тележных колёс...» (326). Лексико-семантическая парадигма стихотворения тщательно выстраивается по этому. «Веретёнца» – это, скорее всего, бегущие за колёсами столбики пыли. Метафора требует исключительной точности в лексической выборке. Существительное «столбик», как и любой другой контекстуальный синоним, неизбежно «остановит» внутреннюю динамику лирического произведения, исказит голос лирического героя и авторскую мысль. Единственно возможное здесь слово «веретёнца», в толковании которого на первый план выступает сема динамики, приводит в движение изображаемую картину. Метафора Г. Касмынина, имеющая динамико-образующую и текстостроительную функцию, пластична, поэт «вылепливает» из лексического материала очередной динамический образ.

Художественное предназначение метафоры в творчестве поэта вариативно. Нередко метафора становится эмоциональной и семантической разрядкой, выразительным кадансом, подводящим своеобразный интонационный и образный итог текста. Как, например, в концептуальном для автора стихотворении «Учебная атака»:

Меня убили наповал.
Условно. При атаке.
Я в луговой траве лежал,
И колосились злаки.

Лежал, не думал ни о чём
И остывал от пота.
Земля дрожала над плечом –
То шла вперёд пехота.

И слышно было мне, когда
Я был убит в атаке,
Как в стеблях двигалась вода
И созревали злаки.

Я сжал былинку в кулаке,
И божия коровка
Пятном родимым на щеке
Пристроилась неловко... (135).

Композиционная ось стихотворения такова, что каждая строка ведёт в нём к последнему четверостишию, к художественной расшифровке идейно значимого для поэта метафорического образа. Скрытое сравнение «божией коровки» с родимым пятном выводит стихотворение на обобщённо-символический уровень, поднимает частный случай до высоты глобального философского обобщения. Лирический герой, условно убитый при учебной атаке, не просто лежит на земле – он становится к ней ближе, ощущает

кровное с ней родство. Метафорой, объединившей «божией коровку» и родимое пятно, напомнившей лирическому герою в переломный момент жизни о кровном родстве с землёй, мотивируется глубоко личное патриотическое чувство. Так метафора влияет на жанровую природу касмынинского стихотворения, превращая его в яркий пример гражданской лирики.

Талант Г. Касмынина набрал высоту в последнее десятилетие двадцатого века, в то время, когда искусство, в том числе и искусство слова, столкнулось с мощными центробежными процессами. Распадались прежние связи, рушились нравственные границы, изменялся ход и уклад жизни. Поэт Юрий Кузнецов, считавший талант поэта уникальным, писал: «Геннадий Касмынин глубоко переживал развал родной страны. А появление целого племени незнакомых молодых людей с амбивалентной нравственностью его озадачивало»⁶.

Характерная дневниковая запись Г. Касмынина во многом раскрывает, каким представлял автор предназначение поэта и поэзии: «Трагический лик будущего виден сквозь полузакрытое око Байкала и рёбра плотин на великих реках, сквозь репрессированные мелиорацией болота и кислотные дожди над головами облысевших в Черновцах детей. Им-то и достанутся все наши так называемые достижения, им-то и придётся напрягать все силы, чтобы удержаться на краю гибели и повернуть дорогу человечества в цветущие и душистые луга, беломощные боры, небесно-чистые побережья речек <...>. Грозная предстоит работа, и справится ли с нею освобождённое от роботизированного подчинения техническим идеям человечество, во многом зависит от высоты духа, от непрестанно укрепляющего его на крестном пути страдания искусства, от языка нашего зависит, от слова <...>. Зависит и от поэзии»⁷.

Как видим, Г. Касмынин признаёт за поэтическим словом, а значит, и за метафорой, духовно-созидающую миссию. Одна из главных, специфических сторон касмынинской метафорики заключается в том, что её собственно *текстостроительная* задача совмещается в творчестве поэта с задачей *миросозидательной*, чем логично объяснить гражданское звучание многих произведений поэта. Творчество Г. Касмынина противостоит времени распада, «развала», причём характер этого противостояния – не разрушительный, а созидательный. Поэт создавал свой поэтический мир как раз «на разрыве», на тектоническом разломе истории, на месте духовного опустошения. Именно в этом, возможно, заключалась личная трагедия поэта. И в этом же состояло высшее предназначение его поэзии.

Касмынинская метафора, перерастая границы собственно поэтики, становится знаковой частью авторского миропонимания, стремится и к отражению мира, и к его моделированию. «На

подсвечники кувшинок натекает жёлтый воск» (104); «Подсолнух осени лушили // Пичуги аж до белых мух» (113); «Всю ночь под окном просто-яло в печали // Бездомное дерево в мокром пальто» (129); «А за стеной кузнечик в коноплянике // На солнцепёке песенку дробил» (89).

«Использование метафоры в поэтическом тексте индивидуально: у разных авторов метафора “работает” по-разному. Языковой анализ метафор в произведении поэта позволяет установить отношение метафоры к идиостилю автора художественного текста», – замечает М. С. Ястребов-Пестрицкий⁸.

Исследуя природу метафоры в стихах Г. Касмынина, можно составить детальное представление о языке и стиле автора, о его художественном почерке, об особенностях его художественного мира. Но не менее важно и то, что по касмынинским метафорическим строкам можно изучать «голос эпохи» рубежа веков.

Одно из самых известных стихотворений Г. Касмынина называется «Гнездо перепёлки». В нём, отражающем время распада и противостоящем ему, говорится о разорённом перепёлочьем гнезде.

Не слышать перепёлок во ржи,
Только спутник проносится, тикая,
И деревня стоит у межи,
Обречённая, тёмная, дикая.
Это всё отболело давно,
Это место зовётся Горелое,
Даже кладбище здесь сожжено, –
Плешь осталась песчаная, белая.
Поднялась высоко лебеда.
Мы из лучшего в худшее сосланы,
То протаем весной изо льда,
То костями желтеем под соснами.
Не прошу я, пока не умру,
Не забуду, пока не забудется,
Как свалилась ничком на юру
Умирать у колодезя улица <...> (237).

«Чем нравится мне это стихотворение? – размышляет Б. А. Леонов. – Прочитав его, хочется помолчать. Подумать, вспомнить что-то своё, глубоко личное. И понять боль человеческую, понять причину, её породившую...»⁹. Дать односложный ответ о природе драматичного мировосприятия, запечатлённого в «Гнезде перепёлки», вряд ли возможно. Но одним из «ключиков» к интерпретации касмынинского стихотворения могут стать его метафоры. О движении времени свидетельствует спутник, который «проносится, тикая». Время же на земле, в деревне, изображается контрастно – остановившимся. «Горелое» – символично-образный топоним. Лексико-стилистическая модель стихотворения построена на аргументе к нисхождению, подкреплённом развёрнутой метафорой: улица, свалившаяся умирать «ничком на юру». Редкий в поэзии Г. Касмынина пример безысходности. Однако сам метафорический строй поэтического текста да-

рит надежду на возрождение утраченных духовных ценностей. Метафорическое мышление, при всей его драматичности, привносит в творчество поэта мотив надежды, неразрывно связанный с мотивом памяти. Продолжая диалог с читателем, поэт обещает не забывать об улице, о разорённом гнезде перепёлки, т. е. оставаться верным нравственным рубежам прошлого, чтобы двигаться вперёд. Не случайно в одном из стихотворений автор делает смысловой акцент на редком северном речевом обороте: «Я буду помнить до берёзки» (254). До берёзки – т. е. до конца жизни, до «берёзы над крестом» (255). Тема памяти, проходя красной нитью сквозь всё касмынинское творчество, имеет в нём яркое метафорическое воплощение.

Поэзию Г. Касмынина неверно было бы называть «упаднической», её смысловые коннотации многообразнее: сохранение памяти поколений, сбережение духовно-нравственного наследия, воспевание жизни во всех её философско-бытийных проявлениях.

Гляжу с горы на ледоход
И слушаю грачиный гам.
На льдине валенок плывёт
Куда-то к новым берегам <...>.
Ползла зелень всё быстрее,
И всё нежней рука в руке,
А вот и первый соловей
Забулквал в майском лозняке.
О дни весны, о вечера!
Живее взгляд и голос мой!
Но был моложе я вчера,
Ещё моложе был зимой.
Сирень цветёт, цветёт, цветёт,
Душа щемит, щемит, щемит,
И жизнь идёт, идёт, идёт,
И лес шумит, шумит, шумит... (40).

Тематический вектор знакового для касмынинского творчества стихотворения, как и в предыдущем примере, соотносится с временем, но не *остановившимся*, а *неостановимым*. Субъективно-эмоциональное стремление автора запечатлеть движение времени выражается в подборе глагольных рядов, в лексических повторях, в подчёркнуто экспрессивной пунктуации. Изобразительные планы сменяют друг друга с калейдоскопической быстротой: плывут льдины – зеленеют деревья – пробуют голос первые соловьи – «всё нежней» становится рука в руке – цветёт сирень. Динамика авторской мысли, становясь в последних строчках интенсивнее («И жизнь идёт, идёт, идёт, // И лес шумит, шумит, шумит...»), продолжается многоточием, которое позволяет строке звучать после её завершения. Стихотворение в целом воспринимается как развёрнутая метафора неостановимо бегущего времени, что характерно для диалектически противоречивой касмынинской поэзии. «Живее взгляд и голос мой!». Весна даёт иллюзию молодости.

«Но был моложе я вчера» – никуда не деться от понимания трагичности бытия.

Таким образом, метафора выполняет в художественном мире Г. Касмынина целый ряд функций: становится проводником авторской модальности, гармонизирует фонетический строй, определяет лексико-стилистическую специфику стихотворных текстов, участвует в композиционных построениях, влияет на жанровую природу, обеспечивает непрерывность взаимодействия между автором и текстом, читателем и текстом, создаёт диалоговые предпосылки для общения автора с читателем. Важно подчеркнуть, что текстостроительная роль метафоры совмещается в касмынинском творчестве с выходящей за привычные рамки поэтики мирозидательной задачей, что отражает специфику драматично-напряжённого диалога поэта с переломным временем рубежа эпох и является залогом интереса к его творчеству в настоящем и будущем.

Юрий Кузнецов писал о Г. Касмынине: «Его похоронили в ясный сентябрьский день на подмосковном кладбище, в белом чистом песке, рядом с сосновым бором. Даты его жизни – 1948–1997. Над его могилой много неба и воздуха, как и в его стихах... Но весь он не умер. Своей лучшей частью – стихами – он остался на земле и в этом смысле прорвался в новый век»¹⁰.

Примечания

- ¹ См.: Кузнецов Ю. Нечто о поэте // Наш современник. 2002. № 2. С. 248–250 ; Артюхов Е. Человек, прибавляющий света // Наш современник. 2018. № 4. С. 253–256.
- ² Горянинова Н. К опыту исследования поэтической метафоры // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 189.
- ³ См.: Шкловский В. Искусство как приём // Шкловский В. Б. О теории прозы. М. : Советский писатель, 1983. С. 9–25
- ⁴ Касмынин Г. Моление напоследок. Избранные стихотворения. Записные книжки. Воспоминания о поэте. Пушкино : Культура, 2019. С. 167. Далее стихи Г. Касмынина цитируются по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- ⁵ Старшинов Н. Поэзия душевного созвучия // Касмынин Г. Моление напоследок... С. 414–415.
- ⁶ Кузнецов Ю. Между Тряпкиным и Рубцовым // Там же. С. 427.
- ⁷ Касмынин Г. Из записной книжки // Там же. С. 403.
- ⁸ Ястребов-Пестрицкий М. Метафора – составляющая идиостилия поэта // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 2, № 3, ч. 2. С. 187.
- ⁹ Леонов Б. В зените зрелости // Касмынин Г. Моление напоследок... С. 6.
- ¹⁰ Кузнецов Ю. Между Тряпкиным и Рубцовым. С. 429.

Поступила в редакцию 17.03.2021, после рецензирования 21.03.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 17.03.2021, revised 21.03.2021, accepted 12.05.2021